

НА ГУНИБѢ въ 1859 и 1871 гг.

I.

Штурмъ Гуниба.

Гунибъ, находясь въ центрѣ Андалаяльскаго общества, среди наиболѣе возвышенныхъ скалъ Дагестана, во время прежней долголѣтней войны на восточномъ Кавказѣ, ни разу не подвергался нападенію со стороны нашихъ войскъ, хотя не разъ длинныя вереницы нашихъ штыковъ блистали вокругъ него на тропинкахъ, вьющихся по вершинамъ сосѣднихъ утесовъ и по кручамъ, спускающимся въ глубокія ущелья, гдѣ горныя рѣки, пѣнясь въ каменныхъ тѣснинахъ, оглушаютъ путника вѣчнымъ своимъ грохотомъ. Тамъ, вблизи Гуниба, происходили въ былое время кровавые бои, большею частью подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, и не мало нашей крови пролито подъ Ругжами, Тилишлями и Гергебилемъ; при штурмѣ двухъ послѣднихъ каменныхъ твердынь присутствовалъ князь Воронцовъ. Но великанъ Гунибъ, попрежнему, оставался въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій.

Недоступность Гуниба заключалась въ его топографическихъ особенностяхъ. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ, среди скалистыхъ горъ, не соединяясь съ ними ни сѣдловинами, ни боковыми гребнями. Его продолговатое основаніе, имѣющее въ окружности около 25-ти верстъ, на взглядъ сокращается значительною высотой его боковыхъ подъёмовъ, покрытыхъ внизу щебнистою осыпью и обломками громадныхъ камней, а вверху увѣнчанныхъ отвѣсными скалами, расположенными одна надъ другою въ три яруса, такъ что ихъ вершина составляетъ какъ-бы старинную крѣпостную стѣну. Самая-же поверхность горы имѣетъ видъ воронкообразный, на подобіе чашки, выщербленной съ одной стороны, именно съ юга.

Эта щербина, сверху донизу усыпанная огромными скалистыми обломками, составляла ахиллесову пятку Гуниба. Тамъ пролегла дорога на гору, которая, пройдя внизу чрезъ шаткій деревянный мостъ, переброшенный надъ рѣкою Кара-Койсу, круто поднималась между каменными обломками на вершину горы, гдѣ, въ ея воронкообразной котловинѣ, среди березовыхъ рощъ, находился каменный аулъ гунибскій. Тамъ-же были и посѣвы жителей, и роскошныя травы, орошаемыя водами небольшой рѣчки, которая, пробѣжавъ вдоль вершины горы, ниспадаетъ шумнымъ водопадомъ черезъ эту щербину въ Кара-Койсу.

Этотъ-то единственно возможный доступъ къ Гунибу, въ послѣднее время, былъ прегражденъ въ самомъ трудномъ мѣстѣ крутаго подъема, каменною стѣною съ многочисленными ружейными бойницами. Такимъ образомъ, Гунибъ сталъ недоступнымъ съ юга, со стороны Кара-Койсу, какъ и съ прочихъ сторонъ, обращенныхъ съ запада на ругжинскія и тилишлинскія высоты, съ сѣвера—на котловину Аварскаго-Койсу, за которою живописно красуются высоты Аваріи и андійскіе гребни, и, наконецъ, съ востока—на Карадахскіе и Кегерскіе края, между конми рѣки Кара-Койсу съ ревомъ пробивается чрезъ скалистую расщелину. Надъ рѣчною пропастью по склону отвѣсной скалы, извивалась узкая тропинка, ведшая къ новымъ Салтамъ (старыя разрушены княземъ Воронцовымъ въ 1847 году) и далѣе по берегу Кара-Койсу къ шамилевской крѣпости Улу-Кала, расположенной при слияніи этой рѣки съ Казикумухскимъ-Койсу, который протекаетъ съ юга на сѣверъ вдоль всего Дагестана и принимаетъ всѣ воды съ главнаго хребта. Противъ Улу-калы, на правомъ берегу Казикумухскаго-Койсу, красуются остатки Гергебиля, огромнаго каменнаго аула, разрушеннаго нашими войсками въ 1848 году. Южнѣе, вверхъ по правому берегу Койсу, возвышаются утесы Кутешинской горы, пересекаемые Хаджал-

махинскимъ ущельемъ, по которому идетъ дорога изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Андалалъ; на границѣ этого владѣнія у каменнаго моста, черезъ Казикумукское-Койсу, сторожило Хаджалмахинское укрѣпленіе съ двухротнымъ гарнизономъ и крѣпостными орудіями.

Въ описываемое время, т. е. въ началѣ 1857 года, никто и не догадывался о событіи, имѣвшемъ совершиться на Гунибѣ, и мы, въ составѣ 1-го баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка, послѣ зимней стоянки въ аулѣ Кутешахъ, выйдя въ лагерь на Кутешинскую гору, преспокойно занялись обычнымъ наблюденіемъ за горцами, препятствуя небольшимъ ихъ партіямъ вторгаться въ наши предѣлы и откармливая, при этомъ, обильною травой нашихъ лошадей.

Такимъ образомъ, при полномъ бездѣйствіи, время шло валя; единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было пользованіе роскошнымъ горнымъ воздухомъ.

Многочлѣтніи попытки нашихъ войскъ проникнуть въ глубь этихъ горъ заставили насъ, наконецъ, примириться съ трудностью доступа къ нимъ, и хотя слухи объ успѣшномъ дѣйствіи нашихъ отрядовъ со стороны Салатавін и Гумбета изрѣдка доходили до насъ, но, по примѣру прежнихъ лѣтъ, казалось, что это не могло повлечь сразу къ полному и окончательному успѣху. Тѣмъ не менѣе, полковникъ Лазаревъ, начальствовавшій здѣсь пограничною мѣстностью, отчасти уже зналъ черезъ лазутчиковъ, что въ горахъ начало проявляться разочарованіе въ могуществѣ имама, коего казну, перевозимую подальше отъ мѣста дѣйствій нашихъ отрядовъ на Гунибъ, дерзкіе тилитлинцы покушались даже разграбить.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мы были, наконецъ, вызваны къ дѣлу. Отъ полковника Лазарева, имѣвшаго пребываніе въ аулѣ Кутешахъ, было получено предписаніе немедленно отправить двѣ роты нашего баталіона на соединеніе съ тремя ротами линейнаго баталіона, выступавшаго изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ пограничное урочище Шенширекъ.

Это удовольствіе досталось 1-й линейной и 1-й стрѣлковой ротамъ, состоявшимъ подъ моею командою.

Горнистъ протрубилъ сигналъ выучить лошадей, а затѣмъ:

„Надѣвай ранцы! Становись въ ружье!“

Мы спустились на темиръ-ханъ-шуринскую дорогу и, въ іюльскую жару, потянулись гуськомъ, съ своимъ вычнымъ обозомъ, по известковой волнистой мѣстности безлѣсной Акуши. Этотъ участокъ нашихъ владѣній болѣе всего подвергался нападеніямъ мелкихъ партій горцевъ, пробиравшихся ночью по склонамъ Кутешинской

горы и черезъ бурундукальскій проходъ; однако-же, благодаря мѣрамъ, принимавшимся распорядительностью Лазарева, имъ рѣдко удавалось захватить добычу.

Личность этого правителя нашихъ пограничныхъ владѣній была замѣчательна. Онъ отличался, главнымъ образомъ, отвагою и прямою, такъ что, когда баронъ Врангель, человекъ тоже съ рыцарскими качествами, вступивъ въ командованіе войсками Прикаспійскаго края, объѣзжалъ пограничную линію и, будучи приглашенъ полковникомъ Лазаревымъ къ обѣду, спросилъ его, указывая на обстановку стола:

„Вы, полковникъ, имѣете, повидимому, хорошее состояніе?“

— „Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Лазаревъ съ полною откровенностью, я имѣю средства отъ некомплекта милиціи, и это мнѣ служить на представительство передъ народомъ и на лазутчиковъ“.

Баронъ Врангель остался очень доволенъ этимъ прямодушнымъ отвѣтомъ, не видя тутъ корысти, а лишь одну только пользу для общаго дѣла.

Миновавъ по пути селеніе Оглы, мы своротили къ Шенширеку и, послѣ ночнаго отдыха, прибыли на слѣдующее утро къ лагерю линейныхъ ротъ. Никто не зналъ дѣли нашего сбора, но видно было, что затѣвается какое-то движеніе, такъ какъ вскорѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прибылъ генералъ-маіоръ кн. Тархановъ, принявшій начальство надъ нашею колонною, а вслѣдъ за нимъ и полковникъ Лазаревъ съ своей акушинскою конною милиціею.

На другой день, раннимъ утромъ, наша колонна вслѣдъ за милиціею полковника Лазарева выступила дальше.

Высота Харкасская, точно также какъ и Кутешинская спускается отлого къ востоку и отвѣсно къ западу, т. е. въ долину протекающей тамъ Койсу, по теченію которой, за Гергебилемъ, расположены Зирянны и другіе памятные боями аулы.

Пройдя Харкасъ, мы начали спускаться въ Бурундукальское ущелье; дорога шла круто внизъ, извиваясь зигзагами по спуску, который все болѣе и болѣе суживается, оканчиваясь знаменитымъ Бурундукальскимъ проходомъ въ Койсубулинскую долину, который образуется двумя отвѣсными совершенно сближенными скалами; проходъ этотъ загороженъ былъ высокою каменною стѣною; небольшія дверцы ея, въ которыя могла пройти всего одна только лошадь, охранялись башнею съ бойницами.

Подходя къ проходу, мы слышали изъ глубины ущелья ружейныя выстрѣлы перестрѣлки, завязавшейся между милиціею полков-

ника Лазарева, прибывшемъ туда ранѣе насъ, и караульщиками, сидѣвшими въ башнѣ. Мюриды были тамъ въ безопасности, поэтому, въ ожиданіи прибытія горныхъ орудій, милиціонерамъ приказано было прекратить стрѣльбу. Оказалось, что кромѣ нашихъ пяти ротъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры шли еще подъ командою генерала Манюкина два сводныхъ баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ и множество пѣшей милиціи. Мы предполагали, что горцы, по обыкновенію, окажутъ горячее сопротивленіе; но тѣ почему-то и на тревогу не явились, хотя аулъ Араканъ былъ недалеко, за скалою.

Когда-же колонна генерала Манюкина спустилась по той самой единственной дорогѣ, по которой шли и мы, и два горныхъ орудія съ близкаго разстоянія пробили брешь въ башнѣ, то сидѣвшіе тамъ мюриды все-таки продолжали стрѣлять, а бывшія у нихъ двѣ женщины съ двумя ишаками, привозившія, вѣроятно, мужьямъ провизію, побѣжали въ долину. При этомъ солдаты не вытерпѣли, чтобы не послать имъ въ догонку свое: „тю! тю!“ съ общимъ смѣхомъ.

Но надобно было покончить съ защитниками башни, и полковникъ Лазаревъ пустилъ на штурмъ своихъ милиціонеровъ. Взобравшись на стѣну, подсаживая одинъ другаго, они вмгъ порѣшили съ караульщиками, потерявъ при этомъ одного милиціонера убитымъ.

Расположившись лагеремъ на возвышенной площадкѣ, возлѣ самаго прохода, мы приступили въ разоренію непріятельской стѣны и, черезъ нѣсколько часовъ, совершенно разнесли ее, давъ мѣсто свободному проходу. До 1843 г., въ 10 верстахъ отъ этого мѣста, пролегалъ нашъ главный путь, черезъ Зиряны, въ Аварію и Хунзахъ — базисъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые тогда геройски держались передъ массою фанатизированныхъ Шамилемъ скопищъ, но долго не могли устоять и были разрушены; тутъ-же, возлѣ прохода, остался лишь слабый признакъ нашего бывшаго укрѣпленія.

Къ вечеру, когда жара спала, нами была произведена рекогносцировка, изъ которой можно было убѣдиться, что жители Койсубулинской долины, подъ вліяніемъ ошеломлявшихъ успѣховъ новаго „сендаря“ (главнокомандующаго), потеряли вѣру въ Шамиля и предпочли оставаться равнодушными ко всему, что-бы ни случилось, такъ что во время рекогносцировки ни одного выстрѣла не было ими сдѣлано.

Переночевавъ въ Бурундукъ-калѣ, наша колонна поднялась черезъ Харкасъ на прежнюю свою позицію, куда пріѣхалъ и нашъ командиръ полка, полковникъ Лисовскій. Отъ него я получилъ послѣдовавшее распоряженіе ѣхать въ штабъ-квартиру нашего полка, урочище Дешлагаръ, и собрать тамъ изъ частей 5-го бата-

ліона 3-хъ ротный сводный баталіонъ, который долженъ былъ слѣдовать въ селеніе Кумухъ подъ начальство князя Тарханова, имѣшаго двинуться оттуда къ ауламъ, расположеннымъ вдоль западныхъ склоновъ Турчидага.

Князь Тархановъ выѣхалъ утромъ въ Кумухъ, черезъ Кутеши, въ сопровожденіи конвоя изъ кумухской милиціи. Я тоже пристроился къ нему. Мы быстро проѣхали 30-ти верстное разстояніе по разогрѣтой солнцемъ дорогѣ и прибыли на привалъ въ Кутеши довольно рано. Князь остановился въ каменномъ домѣ, гдѣ стоялъ прежде полковникъ Лазаревъ, на небольшой возвышенности, при въѣздѣ въ аулъ, а я заѣхалъ къ своему офицеру, остававшемуся въ аулѣ при баталіонныхъ вещахъ.

Не прошло и получаса, какъ въ аулѣ поднялась тревога. Оказалось, что одинъ изъ конвойныхъ князя Тарханова, стоявшихъ на возвышенности возлѣ начальническаго дома, спустился на площадь и началъ кормить свою лошадь на старомъ татарскомъ кладбищѣ. Подошедшіе два кутешинца стали гнать его съ кладбища, но тотъ, послѣ произнесенныхъ съ обѣихъ сторонъ ругательствъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣломъ убилъ болѣе назойливаго акушинца. Поднялся крикъ, и милиціонеръ, видя сбѣгавшихся жителей, бросилъ свою лошадь и побѣжалъ черезъ огородъ напрямикъ къ своимъ. Все это было видно изъ сакль, по обыкновенію амфитеатромъ обращенныхъ къ площади, откуда возбужденный народъ спѣшилъ съ винтовками, а провинившійся милиціонеръ, между тѣмъ, былъ настигнутъ въ огородѣ другимъ акушинцемъ и однимъ ударомъ широкаго кинжала убить наповалъ. Кумухцы, которые были въ давней враждѣ съ акушинцами, воздержались отъ вмѣшательства въ это дѣло, видя свою малочисленность, и удалились во дворъ начальническаго дома, откуда, сопровождая далѣе князя Тарханова, уѣхали невредимы. Подобныя сцены у горскихъ жителей въ то время были не рѣдкость и на нихъ не обращалось особеннаго вниманія, такъ какъ платить кровью за кровь было у нихъ закономъ.

Вслѣдъ за этимъ уѣхалъ и я, на этотъ разъ одинъ, по дорогѣ изъ Акуши въ приморскую долину, гдѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ послѣднихъ высотъ, на продолговатомъ курганѣ, ютилась штабъ-квартира Самурскаго пѣхотнаго полка, урочище Дешлагаръ.

Здѣсь никто не думалъ ни о Шамилѣ, ни о дѣйствіяхъ противъ него, на то были отряды. Тутъ хлопотали только о покосахъ, да объ огородахъ, необходимыхъ для запасовъ овощей на зиму, и привезенное мною распоряженіе всполошило всѣхъ, даже полковыхъ

дамъ, составлявшихъ, по большей части, въ семейномъ отношеніи принадлежность 5-го баталіона. Но мнѣ здѣсь не пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ, такъ какъ на другой-же день, съ прибывшимъ нарочнымъ, мнѣ было предписано немедленно возвратиться въ Кутеши, къ своему баталіону, а сводный баталіонъ поручался капитану Слюсаренко.

Прибывъ поздно вечеромъ на кутешинскія высоты, я засталъ всѣхъ нашихъ готовыми къ выступленію—и куда-же? Куда никому и не снилось: въ непріятельскую крѣпость Улу-кала! Тамъ уже находился полковникъ Лазаревъ, успѣвшій того-же дня пройти черезъ Бурундукальское ущелье съ своею конною милиціею и нашими двумя ротами и безъ выстрѣла занять эту крѣпость.

Поразителенъ былъ переходъ горцевъ отъ недавней враждебности къ совершенному оцѣпенѣнію. Теперь и грозный имамъ, находившійся съ своими мюридами на Гунибѣ, не имѣлъ на нихъ никакого вліянія. То-же происходило и въ Аваріи, послѣ вступленія туда главнокомандующаго, такъ что по пути въ одномъ небольшомъ аулѣ произошелъ даже своего рода курьезный случай: главнокомандующій ѣхалъ со своимъ штабомъ впереди авангарда, зная, что аулъ, къ которому они подѣзжали также, покорился; завоеватель былъ погруженъ въ свою думу, и вдругъ ему на встрѣчу раздался оглушительный залпъ изъ двухсотъ винтовокъ, пули которыхъ просвистѣли надъ головами всадниковъ. Князь Барятинскій остановился въ недоумѣніи, но горцы, послѣ этого горячаго привѣта, кланаясь, вышли изъ аула съ изъявленіемъ покорности.

Намъ предстояло спуститься съ Кутешинской горы по выючной тропѣ, продѣланной въ прежнее время для прямого сообщенія съ Хаджалмахинскимъ укрѣпленіемъ. Круглый путь велъ туда по темиръ-ханъ-шуринской дорогѣ въ обходъ Кутешей. Въ полночь мы выступили подъ начальствомъ своего баталіоннаго командира полковника Барсукова. Трудно было спускаться по извилистой, едва примѣтной и уже временемъ попорченной тропѣ, ведущей съ огромной высоты по обрывистымъ кручамъ въ долину Казикумухскаго-Койсу. Только къ свѣту спустились мы внизъ и, оставивъ въ сторонѣ Хаджалмахи, пошли далѣе берегомъ Койсу, вдоль крутыхъ скатовъ Кутешинской горы.

Миновавъ Гергебиль, расположенный на обрывистомъ склонѣ горы, мы очутились передъ новымъ созданіемъ Шамиля, крѣпостью Улу-кала. Она прилегала къ скалѣ, возвышаясь при сліяніи рѣкъ (Кара-Койсу съ Казикумухскимъ-Койсу), и, обнесенная землянымъ валомъ съ блестящими на немъ мѣдными орудіями, имѣла внуши-

тельный видъ; въ крѣпость велъ колышущійся деревянный мостъ, перекинутый надъ глубокими обрывами, въ которомъ бушевала рѣка.

Небольшая колонна полковника Лазарева расположена была возаѣ крѣпости на припекаемой солнцемъ площадкѣ, гдѣ расположились и мы, соединившись съ двумя ротами. Теперь силы нашей колонны были настолько велики, что какія-либо случайныя перемѣны въ настроеніи горцевъ не могли причинить намъ беспокойства, какъ то произошло только-что при занятіи крѣпости; это было такъ: когда полковникъ Лазаревъ, увѣренный въ покорности гарнизона, подѣхалъ къ крѣпости съ милиціею, то горцы, растворивъ крѣпостныя ворота и пропустивъ полковника, затворили ихъ передъ милиціею, такъ что начальствовавшій колонною очутился одинъ среди мюридовъ; впрочемъ, полковникъ Лазаревъ выказалъ тутъ въ этомъ случаѣ полное самообладаніе: преважно вынувъ изъ кармана горсть золотыхъ монетъ, онъ сунулъ ихъ горцамъ, стоявшимъ справа, потомъ другую горсть роздалъ горцамъ, выпучившимъ на него глаза, слѣва и поѣхалъ дальше, а ворота, какъ по мановенію волшебнаго жезла, снова растворились для пропуску милиціи.

Передъ крѣпостью Улу-кала мы простояли нѣсколько дней; причемъ полковникъ Лазаревъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ окрестныхъ жителей, которые съ утра до вечера толпились около него и вслушивались въ каждое его слово, такъ что на его предложеніе перекинуть черезъ Кара-Койсу мостъ они съ полною готовностью изъявили свое согласіе.

Между тѣмъ, войска наши, съ главнокомандующимъ во главѣ и его главными сотрудниками (генералы Милютинъ, Евдокимовъ, Врангель) прошли Аварію и уже приближались къ Гунибу, гдѣ Шамиль разсчитывалъ себя отстоять. Вскорѣ до насъ стали доноситься орудійныя выстрѣлы, когда наши войска, обойдя Гунибъ съ запада чрезъ Тилитли и Ругжи, начали подниматься по узкой тропѣ на Кегерскія высоты. Выстрѣлы эти производились съ южной стороны Гуниба, съ небольшого выступа, у каменной стѣны, гдѣ находились саки андалаяльскаго наиба Хаджи-Янко. Это происходило въ первыхъ числахъ августа; вслѣдъ засимъ, намъ было приказано идти къ Карадаху, къ переправѣ чрезъ Аварское-Койсу, куда полковникъ Лазаревъ и самъ отправился впередъ съ милиціею, давъ намъ для слѣдованія проводниковъ.

Приближавшіяся событія интересовали насъ всѣхъ и мы быстро шли по скалистой тропѣ съ крутыми подъемами и спусками, подъ палящимъ солнцемъ; жители встрѣчали насъ привѣтствіями, пода-

ваемыми письменно, за которыя, разумѣется, приходилось отплачиваться „пешкешами“.

Въ Карадахскую котловину мы спустились передъ вечеромъ и расположились лагеремъ на небольшой выжженной солнцемъ площадкѣ около Аварскаго-Койсу. Тамъ мы нашли висятій деревянный мостъ черезъ рѣку, съ караульною башнею и больше ничего: другихъ жилищъ тамъ не было. Самая-же площадка, расположенная на правомъ берегу рѣки, съ трехъ сторонъ была окружена черною отвѣсною скалою, которая имѣетъ двѣ расщелины: одна изъ нихъ пропускаетъ Аварское-Койсу, надъ которымъ идетъ дорога къ главному хребту, а другая, на подобіе коридора, куда не заглядываетъ солнце, ведетъ прямо къ Гунибу. По дну этой второй расщелины струится небольшая рѣчка, и бѣда путнику, если его тамъ застигнетъ дождь: вода, мгновенно прибывающая, сноситъ все встрѣчающееся ей на пути, стремясь по тѣсному ложу между отвѣсныхъ скалъ въ Койсу. По другую сторону рѣки возвышается Хунзахская гора, по которой вьется дорога въ Хунзахъ и далѣе, къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены наши войсками оберегательные пункты.

Намъ не было извѣстно дальнѣйшее наше назначеніе, поэтому приходилось сидѣть выжидательно въ этой котловинѣ, какъ въ горшкѣ; но на другой день, послѣ полудня, получено было приказаніе: „двумъ нашимъ ротамъ немедленно слѣдовать къ Гунибу и расположиться у подошвы его, возлѣ аульчика Хоточъ“; для чего были присланы полковникомъ Лазаревымъ проводники изъ его милиціи, стоявшей бивакомъ между Гунибомъ и Салтинскимъ ущельемъ.

Требовавшіяся роты тотчасъ-же выступили подъ моею командою и, пройдя чрезъ скалистую тѣснину вверхъ по Аварскому-койсу, повернули къ югу и начали подыматься на крутой отрогъ Карадахскаго кряжа. День былъ жаркій, наши люди и лошади, одоливаемые крутизною подъема, медленно подвигались впередъ, такъ что только къ заходу солнца мы перевалили черезъ отрогъ. Нашимъ глазамъ представился Гунибъ во всемъ величій съ сѣверной своей стороны. Его скалистыя отвѣсныя стѣны, высящіяся на сотни сажень, придавали ему внушительный видъ, тѣмъ болѣе насъ интересовавшій, что тутъ должна была рѣшиться судьба имама и мюридизма.

Когда мы стали спускаться къ подошвѣ Гуниба, то съ его восточнаго гребня шамилевское орудіе сдѣлало въ нашу сторону нѣсколько разстановочныхъ выстрѣловъ, ядра которыхъ просвистѣли гдѣ-то

высоко. Наступившіе вскорѣ сумерки покрыли вечернимъ мракомъ и очертаніе Гуниба и его низмейныя окрестности, а когда мы пришли на указанное проводниками мѣсто, то уже совершенно стемнѣло, такъ что пришлось избирать стоянку на оказавшемся при дорогѣ косогорѣ почти ощупью.

Послѣ знойнаго дня насъ мучила нестерпимая жажда, и на наше счастье къ намъ вышло нѣсколько хоточинцевъ, которые, на просьбу „су тащи“, принесли цѣлый кувшинъ холодной родниковой воды, за что, разумѣется, получили „пешкешъ“ и, въ добавокъ, согласились указать солдатамъ источникъ этой освѣжительной влаги.

Поутру оказалось, что мы находились не болѣе какъ во ста саженьяхъ отъ подошвы Гуниба и отъ аульчика Хоточи, гнѣздящагося подъ горою. На самомъ-же гребнѣ великана, около каменной караулки, копошилось много людей, а возлѣ нихъ виднѣлась отдѣльная группа горцевъ, впереди которой стоялъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ. По словамъ пришедшихъ къ намъ хоточинцевъ, это былъ самъ Шамиль. Такимъ образомъ, хотя издали, а все-таки намъ первымъ пришлось увидѣть знаменитаго имама.

Мы стояли съ восточной стороны Гуниба и на этомъ склонѣ, на нижней земляной насыпи, начиналась тропа, ведущая къ каменной полосѣ подъема и къ караулкѣ.

„Бу іолъ?“ спрашивали мы жителей.

— „Іохъ, они отвѣчали; іолъ пропалъ“.

И по ихъ жестамъ, въ перемежку съ нѣкоторыми русскими словами, можно было понять, что тропа эта въ верхней части была взорвана.

На другой день прибыли и остальные роты нашего баталіона, смѣненныя въ Карадахъ 2-мъ баталіономъ Самурскаго-же полка.

Наша позиція хотя была неудобна, находясь на конечномъ откосѣ подгорья, но за то мы не подвергались орудейнымъ выстрѣламъ съ вершины Гуниба, гдѣ, около караулки стояло орудіе. Оно было слишкомъ высоко для прицѣльнаго выстрѣла, а для навѣснаго—мы были слишкомъ близко къ нему, такъ что горцы перестали обращать на насъ вниманіе и дѣятельно занялись какими-то работами наверху.

Въ это время намъ пришлось посылать за провіантомъ, что было сопряжено съ большимъ неудобствомъ, такъ какъ въ ближайшій ходжалмахинскій магазинъ можно было добраться только кружнымъ путемъ черезъ Карадахъ. Изъ этого-же магазина продовольствовался и отрядъ, но съ Кегера къ нему добраться весьма близко.

Чтобы устранить это неудобство, полковникъ Лазаревъ приказалъ осмотрѣть тропу черезъ Салтинское ущелье; при осмотрѣ участвовалъ и я, но тропа оказалась взорванною въ самомъ трудномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, для прекращенія сообщенія съ горами, рѣшено было блокировать Гунибъ со всѣхъ его сторонъ. Съ этою цѣлью, съ Кегера ночью, прибыли 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго и 2-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полковъ; (днемъ спускъ былъ подъ непріятельскими выстрѣлами); первые два баталіона стали лѣвѣе насъ, около аульчика Хиндахъ, расположеннаго также у подошвы Гуниба, а грузинцы стали правѣе насъ, за Хоточемъ. Съ сѣверной стороны Гуниба, заняли позицію баталіоны Дагестанскаго пѣхотнаго полка, съ западной—Апшеронскій полкъ, съ юго-западной стрѣлковый баталіонъ (нынѣ 4-й), два баталіона самурцевъ (4-й и сборный изъ частей 5-го баталіона) и, наконецъ, съ юга, у подъема со стороны Кара-Койсу—1-й и 2-й баталіоны ширванцевъ съ горными орудіями.

Всѣ эти блокирующія войска сообщались патрулями и предполагалось, что Шамиль, стѣсненный прокормленіемъ нѣсколькихъ сотъ своихъ мюридовъ одними средствами гунибскаго аула, скоро вынужденъ будетъ сдаться. Но, какъ оказалось впоследствии, тамъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба и фуража, собранные гунибцами со своихъ посѣвовъ и покосовъ, которыми изобиловали окрестности ихъ аула и кутановъ, раскинутыхъ по Гунибу.

Въ то-же время были начаты съ Шамилемъ переговоры о сдачѣ, которые велись полковникомъ Лазаревымъ, каждый разъ поднимавшимся для этого до половины горы, по дорогѣ со стороны Кара-Койсу, куда спускался для той-же цѣли старшій сынъ Шамиля Казимагома. Но эти переговоры длились понапрасну: видно было, что Шамиль желалъ только выиграть время, рассчитывая на какой-нибудь благоприятный для него поворотъ обстоятельствъ и продолжалъ, между тѣмъ, поддерживать свой престижъ орудійными выстрѣлами, чѣмъ затруднялъ днемъ сообщеніе блокировавшихъ войскъ съ Кегеромъ. Шамиль одушевлялъ своихъ мюридовъ съ полною увѣренностью въ невозможности взять Гунибъ приступомъ и при этомъ подсмѣивался, говоря: „Русскіе смотрятъ на Гунибъ, какъ лающія собаки на луну“.

Такъ проходило время, причиняя намъ не мало труда въ подвозѣ изъ Ходжалмахъ провіанта; къ тому-же стало крайне затруднительно получать и кормъ для лошадей на выжженной низменности вокругъ Гуниба, гдѣ кукурузные стебли, кое-гдѣ еще оставшіеся, наконецъ, всѣ были вытравлены.

24-го августа 1859 г., передъ вечеромъ, нашъ баталіонъ былъ передвинуть впередъ, къ самой подошвѣ Гуниба, а вслѣдъ за симъ прибылъ къ намъ и генералъ Кесслеръ, начальствовавшій блокировавшими войсками. Онъ лично передавалъ войскамъ указаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ это самое время Шамиль вздумалъ пускать въ насъ гранаты и такъ какъ ихъ нельзя было направлять почти отвѣсно книзу, то горцы ухитрились поднять дуло мортиры вверхъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы гранаты лопались на возвратномъ пути у подошвы горы, гдѣ расположился баталіонъ; но эти опыты возбудили только общій смѣхъ, потому что пущенныя такимъ образомъ нѣсколько гранатъ разрывались каждый разъ надъ головами самихъ-же горцевъ, заставляя ихъ разбѣгаться.

Пробывъ съ нами съ четверть часа, генералъ Кесслеръ передалъ намъ приказаніе выдвинуть, съ наступленіемъ темноты, двѣ роты къ первому каменному поясу горы и объявилъ, что въ 11-ть часовъ ночи будетъ произведена ложная тревога по сигнальной ракетѣ, пущенной изъ-за Кара-Койсу, гдѣ, на подъемѣ къ Кегеру, будетъ находиться въ небольшомъ аульчикѣ самъ генералъ Кесслеръ. При этомъ барабанщикамъ и горнистамъ было приказано во время тревоги играть атаку, а солдатамъ, не выходя изъ-за своихъ закрытій, за обломками скалъ, кричать „ура“. Генералъ Кесслеръ прибавилъ, что это распоряженіе сообщено всѣмъ блокирующимъ войскамъ и что времени дѣйствительнаго штурма назначено не будетъ, а чтобы войска старались взобраться наверхъ, пользуясь каждою удобною минутою.

Такое распоряженіе вполне согласовалось съ обстоятельствами и мѣстомъ и поэтому имѣло желаемый успѣхъ.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ этомъ успѣхѣ, хотя передъ нашими глазами возвышалась громаднхъ размѣровъ твердыня, съ отвѣсными скалистыми поясами, но войска были подъ вліяніемъ полной самоувѣренности, которую раздѣлялъ и главнокомандующій, рассчитывавшій, по рассказамъ, еще до прихода къ Гунибу, что все будетъ покончено съ Шамилемъ до 26-го августа.

Ко дню штурма, къ нашему баталіону прибыли еще два штабсъ-офицера: начальникъ стрѣлковъ полка, маіоръ Ивановъ и переведенный въ нашъ полкъ, подполковникъ Купріяновъ.

Когда стѣмнѣло, назначенныя двѣ роты (4-я линейная штабсъ-капитана Звоскова и 1-я стрѣлковая поручика Головинскаго), сопровождаемая командиромъ баталіона и, по его предложенію, наличными штабъ-офицерами, осторожно пробираясь гуськомъ между камнями, съ трудомъ добрались по земляной осыпи до ска-

листаго пояса, гдѣ и расположились подъ каменными отвѣсами. Полковникъ Борсуковъ, не желая обидѣть старшаго изъ насъ, вновь прибывшаго и еще незнакомаго съ горною войною, умолчалъ о необходимомъ здѣсь назначеніи штабъ-офицера и поручилъ эти роты старшему ротному командиру. Такъ что мы всѣ остались съ носомъ и вмѣстѣ съ командиромъ возвратились назадъ.

Ровно въ 11-ть часовъ ночи, на подъемѣ за Кара-Койсу, зашипѣла ракета и черезъ нѣсколько секундъ, по всей нашей линіи загремѣли барабаны съ зычнымъ звукомъ рожковъ, а затѣмъ мощное одушевляющее „ура“ слилось съ общимъ гуломъ начатой атаки. Горцы съ минуту оставались въ молчаніи, вѣроятно, ошеломленные неожиданностью, но вслѣдъ засимъ раздался и съ ихъ стороны не менѣе грозный гулъ валившихся камней, которые, рикошетируя по скалистому спуску, и разбрасывая по пути мелкіе каменья и щебень, пролетали черезъ наши головы съ журчаніемъ какъ бомбы. Крикъ горцевъ съ горы вторилъ нашему „ура“ и заготовленные ими огромные камни валились одинъ за другимъ, наполняя воздухъ пылью и оглушительнымъ грохотомъ, раздававшимся по всей горѣ.

Такъ продолжалось часа два, если не больше, среди общаго гугла, по временамъ то усиливавшагося, то ослабѣвавшаго; до насъ доносилось обрядное пѣніе мюридовъ. Наконецъ, солдаты начали уставать, наше „ура“ стало раздаваться все рѣже и рѣже, а затѣмъ и камни перестали валиться, такъ что, наконецъ, все смѣнилось прежнею тишиною, среди которой ясно былъ слышенъ смѣхъ успокоенныхъ мюридовъ, разговаривавшихъ между собою.

На другой день, съ восходомъ солнца, взоры всѣхъ и каждого обратились на вершину Гуниба, но тамъ людей не было видно, кромѣ 2—3-хъ человѣкъ, показывавшихся около караулки. Наши роты, попрежнему, прятались подъ скалою, а въ нѣсколькихъ стагахъ шагахъ правѣе отъ нихъ видны были, подъ тѣмъ-же скалистымъ поясомъ, двѣ роты грузинскихъ гренадеръ. Все было спокойно, и наши солдаты уже начали приступать къ утреннему чаепитію, какъ вдругъ гренадеры, находившіеся подъ скалою, зашевелились, и ихъ штыки, блестящіе на солнцѣ, узкою полоскою начали вытягиваться вдоль изгибовъ отвѣсной скалы. (Разсказывали будто бѣглый солдатъ крикнулъ съ горы: „Идите, они всѣ возлѣ аула!“)

У насъ невольно раздался общій крикъ „въ ружье!“ Подавая двумъ передовымъ ротамъ знакъ шапками и сообщая имъ криками о движеніи впередъ, мы сами стали подниматься на гору, скользя по мелкимъ камнямъ, катившимся рикошетами на шедшихъ позади.

Слѣва поднимались ширванцы, а справа гренандеры, и весь обращенный къ намъ склонъ горы покрывся взбиравшимися солдатами, между которыми видны были и милиціонеры, сопровождавшіе генерала Тарханова, который командовалъ войсками со стороны нашего фаса. Взбиравшіеся войска безъ затрудненія дошли по крутой осыпи до скалистыхъ поясовъ горы, а тутъ пришлось уже каждому въ одиночку карабкаться съ отвѣса на отвѣсъ, не оборачиваясь и не глядя внизъ, гдѣ штыки взбиравшихся товарищей и вышина подъема угрожали опасностью до головокруженія. Но въ это время все забылось! Одушевленіе, подобно волшебной силѣ, двигало нами, и каждый спѣшилъ безостановочно, цѣпляясь за неровности скалы то съ помощью своихъ собственныхъ рукъ, то при содѣйствіи товарищей, подставлявшихъ приклады, такъ что скоро каменные поясы были пройдены и передъ нами, на узкомъ земляномъ скатѣ оставалась только послѣдняя скала, составляющая острый гребень вершины. По этому-то скату наши войска направились къ караулкѣ, находившейся на пониженномъ гребнѣ и заграждавшей доступъ по взорванной тропѣ. Караульные горцы изъ бойницъ открыли ружейный огонь, который, впрочемъ, продолжался не долго, потому что нѣсколько человекъ гренандеръ, взобравшись первые на оконечность гребня, подбѣжавъ къ караулкѣ, перекололи мюридовъ и дали возможность нашимъ двумъ передовымъ ротамъ выбить прикладами дверь караулки и хлынуть во внутреннюю мѣстность горы.

Нашимъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ срединѣ продольной котловины расположился аулъ, позади его, къ сѣверо-западу, шла возвышенная мѣстность, а къ юго-востоку мимо аула и березовыхъ роцъ, покрывающихъ западную сторону котловины, протекала рѣчка, ниспадавшая при оконечности горы черезъ щербину.

Когда мы стали спускаться въ котловину, то позади аула, на возвышенности, видны были бѣжавшіе къ аулу апшеронцы. Они раньше всѣхъ взобрались на гору съ сѣверо-западной (самой высокой), стороны ея, но пока добѣжали до аула, туда спѣшили уже прочія войска. Наши-же двѣ передовыя роты, взобравшись на гору, бросились не вправо, къ аулу, а прямо къ тому мѣсту, гдѣ замѣтили надъ рѣчкою саклю съ лежавшими возлѣ нея ядрами: это былъ шамилевскій паркъ; этимъ маневромъ они пересѣкли дорогу бѣжавшимъ съ южной стороны мюридамъ, гдѣ они охраняли каменную стѣну, заграждавшую главный доступъ къ вершинѣ Гуниба. Мюриды, отрѣзанные отъ аула, вынуждены были скрыться въ пролѣскахъ березовой рощи; но замѣченные ширванцами (1-й и 2-й баталіоны), которые спѣшили вслѣдъ за ними, и видя свое безвы-

ходное положеніе, при появленіи на западномъ гребнѣ стрѣлковъ и самурцевъ (4-го и 5-го баталіоновъ), они вступили съ преслѣдовавшими ихъ войсками въ ожесточенный бой, въ которомъ были перебиты всѣ до одинаго.

Шамиль, собравшій съ утра къ аулу большинство своихъ мюридовъ для оборонительныхъ работъ, при извѣстіи, что русскіе на горѣ, упалъ въ обморокъ.

Между тѣмъ, горцы, находившіеся въ аулѣ, открыли изъ сакль ружейный огонь по приближавшимся войскамъ; когда же наши солдаты подвезли два горныхъ орудія и начали разрушать стѣны сакль, то два конныхъ горца выскочили изъ аула и, подавая знакъ папахами, чтобы мы перестали стрѣлять, сообщили, что Шамиль сдается.

Затихшая на время перестрѣлка нѣсколько разъ возобновлялась одиночными выстрѣлами изъ аула; часы проходили за часами, но желаемого результата мы все не могли дожидаться. Шамиль сдаваться не рѣшался. Онъ находился все время со своими приближенными наимами въ мечети, и его колебанію не было конца: онъ былъ встревоженъ неожиданностію случившагося.

Главномандующій, сидѣвшій въ это время на камнѣ въ березовой рощѣ, недалеко отъ аула, куда онъ прибылъ съ драгунами, замѣтивъ съ Кегера блескъ штыковъ на Гунибѣ, приказалъ, наконецъ, войскамъ готовиться къ штурму; причемъ, черезъ разосланныхъ адъютантовъ, было объявлено „десять тысячъ рублей награды тому, кто доставитъ Шамиля живымъ“.

Но лишь только войска начали стягиваться къ аулу, изъ котораго горцы возобновили учащенную стрѣлбу, какъ шамилевскіе парламентары выскочили снова на открытое мѣсто, начали махать папахами и кричать, чтобы мы пріостановились. Войска выражали нетерпѣніе, видя крайне утомительную нерѣшительность Шамиля, но раздался сигналъ „стой“, и пришлось снова устремить взоры на мечеть. Нерѣшительность имама томила, безъ сомнѣнія, и мюридовъ; а тѣмъ болѣе жителей, имѣвшихъ при себѣ свои семейства. Въ числѣ послѣднихъ были и плѣнные грузинки, которыя во время перерывовъ стрѣлбы, появлялись на краю аула и переговаривались съ своими земляками дружинцами, бывшими въ числѣ войскъ въ своей красной кожаной одеждѣ.

Картина, которой мы были свидѣтелями, была достойна кисти художника: всѣ участвовавшіе въ штурмѣ войска (въ томъ числѣ и Дагестанскій пѣхотный полкъ, взобравшійся съ сѣверной стороны) стояли вокругъ аула въ томъ положеніи, въ которомъ они были пріостановлены, а жители, собравшіеся съ разныхъ мѣстъ

посмотрѣть чѣмъ дѣло кончится, сплошными массами занимали вокругъ аула всѣ возвышенности; даже на крайнихъ гребняхъ горы пестрѣлъ любопытный народъ. По дорогѣ-же изъ аула къ березовой рощѣ, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ баронъ Врангель, командовавшій дагестанскими войсками, въ мундирѣ и красныхъ чакчирахъ, а ближе къ аулу—полковникъ Лазаревъ, который велъ переговоры съ шамилевскими наибами, выходившими на край аула.

Было уже около 4-хъ часовъ пополудни, когда общее любопытство достигло послѣдней степени напряженія: на окраинѣ аула, возлѣ мечети, горды зашевелились и изъ нея поспѣшно вышелъ небольшой кортежъ съ имамомъ во главѣ. Онъ былъ въ бѣлой чалмѣ съ кистью и въ обыкновенной горской одеждѣ, позади вели его бѣлую верховую лошадь.

Народъ, окружавшій аулъ, и войска, завидѣвъ вышедшаго Шамиля, крикнули „ура“, которое оглушительнымъ эхомъ пронеслось и по окрестнымъ гребнямъ котловины. Встревоженный Шамиль остановился, какъ-бы намѣреваясь попятиться назадъ; но подошедшій къ нему полковникъ Лазаревъ успокоилъ его, и онъ снова спѣшнымъ шагомъ направился къ рощѣ, гдѣ князь Барятинскій, окруженный свитомъ, ожидалъ плѣнника, сидя на камнѣ подъ тѣнью вѣтвистыхъ березъ.

Шамиль, какъ подобало побѣжденному, подойдя къ главнокомандующему, упалъ на колѣни и повергъ себя волѣ побѣдителя...

И вотъ, знаменитый имамъ, могущественный повелитель неприступныхъ горъ, тотъ самый Шамиль, глава свирѣпаго мюридизма, столь прославившійся въ продолженіе многихъ лѣтъ, на колѣняхъ ждетъ своей участи. Картина, поистинѣ, великолѣпная!

Къ вечеру войска наши весело разошлись на свои позиціи, оставивъ на Гунибѣ баталіонъ апшеронцевъ.

На другой день, по случаю праздника 26-го августа, всѣ войска были собраны на Кегерѣ, гдѣ, выстроенныя покоемъ, встрѣтили главнокомандующаго съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Князь Барятинскій, не объѣзжая войскъ, прямо выѣхалъ на середину парада и пожаловалъ войскамъ тѣ десять тыс. рублей, которыя были обѣщаны за взятіе Шамиля живьемъ. Затѣмъ началось молебствіе, оконченное колѣнопреклоненіемъ и пушечнымъ салютомъ, при несмолкаемомъ „ура“ на славу царю и отечеству. Въ заключеніе торжества, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ; позади ихъ слѣдовали въ пѣшемъ строю, подъ музыку, разукрашенные въ серебро сотни разной милиціи, приподнимая вверхъ папахи на привѣтствіе главнокомандующаго и оживленно отвѣчая: „сау-у!“

Шамиль не обращалъ вниманія на происходившее, сидя на землѣ передъ своею палаткою, окруженный почетными муллами и нѣкоторыми приверженцами изъ горскихъ наибовъ. Онъ одушевленно съ ними бесѣдовалъ; тѣ сидѣли молча, съ поникшими головами. Выразительное лицо имама, съ правильными тонкими чертами и густою бородою, окрашенною въ темно-малиновый цвѣтъ, оживлялось блескомъ темныхъ глазъ, по временамъ задумчиво обращавшихся на горы, которыхъ еще недавно онъ былъ властелиномъ и потерю которыхъ, навсегда, напоминали ему гордо ходившіе вокругъ него часовые изъ лейбъ-эриванцевъ.

Онъ уже оправился послѣ испытаннаго наканунѣ переполоха, причемъ былъ озадаченъ пріемомъ, оказаннымъ ему; прибывъ, подъ конвоемъ драгунъ, къ ставкѣ главнокомандующаго, гдѣ, вмѣсто ожидаемой „ямы“, ему подали чай, на серебряномъ подносѣ, съ отличными сухарями, а вслѣдъ за этимъ появились и его жены, перевезенныя со всѣмъ его богатствомъ изъ гунибскаго аула.

На слѣдующій день послѣ парада, Шамиль на своемъ бѣломъ конѣ, конвоируемый драгунами, отправленъ былъ по назначенію, а вслѣдъ за нимъ отправилось и его семейство. Дагестанъ, утомленный долголѣтнею войною, сразу слѣлся мирнымъ, какъ будто и не воевалъ никогда, но странно, что тѣ жители, которые издавна были мирными и неоднократно страдали отъ шамилевскихъ набѣговъ, теперь, при его проѣздѣ, сочувственно встрѣчали его, а женщины даже цѣловали ему руки.

Скоро собрался къ отъѣзду и главный штабъ, распредѣливъ войска по назначенію. При этомъ мы узнали, что вмѣсто прежняго нашего командира полковника Лисовскаго, оставлявшаго службу, назначался герой согратлинской переправы полковникъ Девель, что чesъма льстило военному самолюбію полка.

Утромъ 29-го августа 1859 г., главнокомандующій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, выѣхалъ изъ лагеря по пути черезъ Ходжалмахи, на Дешлыгаръ и далѣе. Князь Барятинскій ѣхалъ впереди свиты, мимо фланга нашего 1-го баталіона, стоявшаго въ общей линіи лагерныхъ войскъ и, миновавъ линію въ молчаніи, продолжалъ слѣдовать дальше, не обращая вниманія ни на выстроенныя въ линію войска, ни на покоренныя имъ горы, вершины которыхъ покрылись розовымъ отблескомъ восходящаго солнца.

Тишина была полная, нарушаемая только топотомъ конскихъ подковъ удалявшейся въ молчаніи кавалькады. Казалось, что главнокомандующій или не замѣтилъ присутствія войскъ или просто не хотѣлъ себя беспокоить лишнею церемоніею. Такъ или иначе, но

оставлять своего побѣдоноснаго вождя безъ привѣта было не въ духѣ кавказскихъ войскъ и, подъ общимъ впечатлѣніемъ минуты, пишущій эти строки въ полголоса произнесъ, приподнимая шапку и обращаясь къ 1-й ротѣ самурцевъ, которою еще недавно командовалъ: „ура!“. Баталіонный командиръ, дисциплинированный на службѣ въ бывшемъ 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ, чуть не наскочилъ на виновнаго съ возгласомъ: „что вы?“ Но уже было поздно: „ура“ загремѣло по всей линіи баталіона и одушевленно было подхвачено всѣми войсками, съ летѣвшими вверхъ бѣлыми шапками.

Князь Барятинскій продолжалъ ѣхать дальше, поглядывая въ нашу сторону, но „ура“ не смолкало, такъ что главнокомандующій повернулъ, наконецъ, лошадь назадъ и, подѣхавъ къ баталіону, громко произнесъ вдоль всей нашей линіи, приподнимая фуражку: „спасибо вамъ, братцы!“ Затихшее на мгновенье „ура“ снова загремѣло, сопровождая удалявшагося покорителя восточнаго Кавказа.

Въ слѣдующіе дни войска начали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ и на пункты, предназначенные для занятія въ горахъ; а нашъ баталіонъ пошелъ на Гунибъ, на смѣну апшеронцевъ. Тамъ мы скорѣ узнали, что начальникомъ края и командующимъ войсками Дагестанской области назначался князь Меликовъ.

II.

Императоръ Александръ Николаевичъ на Гунибѣ

въ 1871 г.

Спустя 12 лѣтъ послѣ гунибскаго штурма, по широкимъ, проложеннымъ по всему Дагестану, дорогамъ мчались тройки съ звонкими колокольчиками, развозившія распоряженія по случаю ожидавшагося пріѣзда императора Александра II.

Гунибъ, уже застроенный укрѣпленіемъ, влѣпившимся въ верхнюю часть горы, обращенную къ югу, теперь всѣмъ напоминаетъ незыблемое водвореніе здѣсь русскаго оружія. Самое-же укрѣпленіе, вѣнчающее двухъ-этажными казармами верхній скалистый гребень горы, спускается ломанными линіями крѣпостныхъ стѣнъ до нижняго уступа, гдѣ стояли нѣкогда савки Хаджи-Янко и гдѣ находится теперь центръ укрѣпленія съ площадью, штабъ-квартирными постройками и церковью, праздничный звонъ которой далеко разносится по окрестностямъ со стосаженной высоты. Верхняя часть

укрѣпленія соединяется съ центромъ дорогою, которая идетъ тремя зигзагами, частію высѣчена въ скалѣ и частію утверждена на каменныхъ устояхъ, уложенныхъ искусно сухою кладкою, безъ цемента. Общій видъ гунибскаго укрѣпленія дополняется спускомъ къ рѣкѣ, который, выйдя изъ укрѣпленія черезъ нижнія каменные ворота и миновавъ слободку семейныхъ нижнихъ чиновъ, размашистыми зигзагами исчерчиваетъ всю нижнюю часть горы до самой глубины ущелья, гдѣ переходитъ на правый берегъ рѣки Кара-Койсу по широкому каменному мосту. Далѣе эта дорога широкою лентою вьется у подошвы Кегерскихъ высотъ къ Салтинскому ущелью, черезъ которое полутоннелемъ съ каменнымъ барьеромъ проходитъ надъ пропастью, въ которой бурлитъ рѣка, а по ту сторону этой тѣснины дорога развѣтвляется на двѣ стороны: налѣво она идетъ черезъ красный желѣзный мостъ, перекинутый надъ Кара-Койсу, въ Карадахъ, Хунзахъ и далѣе въ Терскую область и направо, черезъ Салтинскія высоты и Ходжалмахинское укрѣпленіе — въ Темиръ-Ханъ-Шуру и Дешлагаръ. Всѣ эти дороги проложены довольно отлого по крутымъ высотамъ и глубокимъ ущельямъ и настолько широки, что двѣ шестерки могутъ развѣхаться свободно. Съ Карадаха проложена, кромѣ того, другая дорога къ Гунибу, которая, пройдя по тѣсному Карадахскому ущелью и поднявшись безконечными зигзагами на сѣверную часть горы, проходитъ черезъ тоннель, пробитый въ верхнемъ каменномъ гребнѣ, а затѣмъ идетъ мимо шамилевскаго аула и березовыхъ рощъ и спускается къ сѣвернымъ воротамъ гунибскаго укрѣпленія.

Проливные дожди, бывшіе въ то лѣто, часто портили дорогу къ укрѣпленію, промывая вездѣ рытвины и нанося камни съ верхней части горы. Каждый разъ послѣ дождей требовалось много рабочихъ для исправленія причиненныхъ имъ поврежденій, для чего приходилось оставлять на время другія занятія, относившіяся къ строевой службѣ. Поэтому стоявшій здѣсь 12-й кавказскій линейный баталіонъ напряженно спѣшилъ выполнять работы по укрѣпленію и прочія строевыя занятія, которыя могли производиться только отрывочно. Къ тому-же, нужно было торопиться со всѣмъ этимъ по случаю пріѣзда изъ Тифлиса начальствующихъ лицъ, осматривавшихъ все имъ подвѣдомственное. Главный начальникъ края, князь Меликовъ, независимо отъ предварительныхъ повѣрокъ его помощниками, лично объѣзжалъ край по путевымъ пунктамъ, гдѣ по нѣсколько дней осматривалъ лежащія на этомъ пути укрѣпленія: Ходжалмахинское, Гунибское, Карадахское, Хунзахское и другіе пункты, которые, за исключеніемъ перваго, всѣ

были возведены заново, съ дѣлю, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, воспрепятствовать катастрофамъ, подобнымъ прошлымъ.

Въ числѣ прочихъ приготовленій, сдѣланныхъ къ высочайшему пріѣзду, на Гунибъ были доставлены изъ Темиръ-Ханъ-Шуры легкіе экипажи, въ запряжкѣ которыхъ подобранныя баталіонныя лошади проѣзжались на верхній Гунибъ, причемъ нѣкоторыя гунибскія дамы, любительницы прогулокъ, имѣли случай съ удобствомъ прокатиться къ тѣнистымъ березовымъ рощамъ и къ апшеронскому подъему, гдѣ пышная травяная растительность изобиловала цвѣтами.

Такимъ образомъ ни малѣйшая подробность, касавшаяся удобства и безопасности высочайшаго проѣзда, не ускользнула отъ бдительнаго вниманія князя Меликова; помимо заботы объ исправномъ содержаніи дорогъ, что возлагалось на жителей, онъ самъ лично удостовѣрялся въ пригодности помѣщеній на каждомъ ночлежномъ пунктѣ и въ качествѣ заготовленныхъ лошадей, какъ верховыхъ, такъ и упряжныхъ. При этомъ верховая лошадь для государя была выбрана особенно тщательно: это былъ рыжей масти жеребецъ, съ золотистымъ отливомъ, приведенный изъ Кюринскаго ханства; хотя онъ былъ росту средняго, но сильный и смѣлый до невѣроятности. Сѣдокъ на немъ, въ присутствіи князя Меликова, прорѣзывалъ солдатскія колонны, несмотря на то, что по данному приказанію солдаты махали передъ нимъ шапками и кричали „ура“. Эта-же лошадь и подъ орудійнымъ выстрѣломъ даже ухомъ не шевелила. Также и подъ экипажъ для государя приготовлена была шестерка темно-сѣрыхъ молуканскихъ лошадей, которыя испытывались на подъемахъ и спускахъ; наконецъ, на нихъ пробовали подѣзжать въ легкой коляскѣ подъ два полевыхъ орудія, выставленные на скалистомъ уступѣ возлѣ церкви. Молукане (кучеръ и выносной) опускали возжи, и лошади, ничего не подозревая, стояли себѣ смирно, какъ вдругъ клубомъ взвивался надъ ними дымъ орудійныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ одинъ вслѣдъ за другимъ, отъ которыхъ лопались въ ближайшихъ офицерскихъ флигеляхъ стекла, но лошади, кромѣ одного дышловика, взглянувшего на орудія, оставались спокойны. Онъ какъ будто знали чего отъ нихъ хотятъ. Впрочемъ, всѣ молуканскія лошади были хороши, и на нихъ-то теперь молукане развозили нарочныхъ, занявъ всѣ станціи по путевой линіи; теперь, не рѣдко, во мракѣ ночи, по горамъ и глубокимъ ущельямъ, позвякивалъ колокольчикъ и подъ-часъ раздавались напѣвы заунывной русской пѣсни.

Гунибъ день-отъ-дня оживлялся все болѣе и болѣе; для сопро-

вождавшихъ государя лицъ очищены были квартиры преимущественно на площади, именно: въ домѣ баталіоннаго командира—для графа Перовскаго, для князя Трубецкаго и адъютантовъ государя, въ домѣ баталіоннаго священника — для графа Шувалова, затѣмъ въ казенныхъ офицерскихъ флигеляхъ и частныхъ домахъ—для князя Меликова, германскаго военно-уполномоченнаго генерала Вердера, начальника штаба арміи генерала Свистунова и для прочихъ лицъ свиты; весь-же домъ начальника мѣстнаго управленія приготовлялся: верхній этажъ для Государя Императора, а нижній для Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей: Владиміра Александровича и его высочества главнокомандующаго. Домъ этотъ, находясь на возвышенности надъ юго-восточнымъ обрывомъ горы, господствуетъ надъ всѣмъ нижнимъ укрѣпленіемъ и изъ его оконъ открывается мѣстность вплоть до Салтинскаго ущелья.

Время высочайшаго пріѣзда приближалось и работы по устройству пріема кипѣли. Заготавливались также иллюминаціи: отъ мѣстнаго управленія на окрестныхъ горахъ, а отъ баталіона въ самомъ укрѣпленіи, начиная съ площади по линіямъ крѣпостныхъ стѣнъ и вдоль дороги, идущей зигзагами до верхнихъ казармъ. Тамъ, надъ верхнимъ укрѣпленіемъ, устроенъ былъ вензель государя императора, величиною въ 15-ть аршинъ, окрашенный бѣлою краскою, такъ что и днемъ онъ хорошо былъ виденъ съ самаго низа горы. Вечеромъ вензель и надъ нимъ корона имѣли быть освѣщены бѣлыми матоваго цвѣта фонарями, и на башнѣ, возлѣ верхнихъ воротъ, устроенъ былъ флагштокъ для поднятія кейзеръ-флага и штандарта. Относительно иллюминаціи происходило сильное соревнованіе между горскимъ управленіемъ и баталіономъ; управленію хотѣлось во всемъ имѣть первенство, рассчитывая и на свое горное освѣщеніе, но въ дѣйствительности вышло не совсѣмъ такъ, какъ ожидалось.

У насъ-же, при всей исправности, все-таки душа не была покойна. Невольно являлась тревога за малѣйшую случайность, которая, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могла разстроить всѣ наши старанія. Главнымъ условіемъ успѣшнаго торжества была хорошая погода, но, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, сметая по горамъ щебнистую пыль и предвѣщая дождь; а наканунѣ государеваго пріѣзда, именно 10-го сентября, усиливавшійся вѣтеръ нагналъ тучи и, хлеща въ глаза дождевыми каплями и мелкимъ щебнемъ, не далъ намъ кончить ученія, къ которому, наконецъ, собрали всѣхъ людей.

Императоръ Александръ II, высадившись въ Петровскѣ и пробывъ нѣсколько дней въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, осматривалъ расположенныя тамъ лагеремъ войска 21-й пѣхотной дивизіи. 10-го сентября его величество выѣхалъ въ горы, гдѣ первый ночлегъ былъ въ Ходжалмахъ. Оттуда, вечеромъ, было прислано къ намъ распоряженіе о порядкѣ встрѣчи и формѣ одежды, которая назначалась для почетнаго караула парадная, а для прочихъ войскъ—походная.

На другой день, 11-го сентября, съ ранняго утра въ укрѣпленіи все было подметено, и люди пообѣдавъ стали одѣваться, въ ожиданіи перваго салютаціоннаго выстрѣла, который было приказано произвести съ верхней сѣверо-восточной батареи при выѣздѣ государева поѣзда изъ Салтинскаго ущелья. Салютаціею распоряжался артиллеріи штабсъ-капитанъ Гаслеръ, временно начальствующій гунибскою крѣпостною артиллеріею; пока онъ наблюдалъ съ батареи за дорогою, видящуюся отъ самаго Салтинскаго ущелья, наши роты, спустившись на площадь и сложивъ въ саду, возлѣ дома баталіоннаго командира, амуницію и ружья, были готовы строиться шпалерами вдоль площади до поворота дороги на возвышенность къ государственной квартирѣ. Тамъ выстроился и почетный караулъ съ хоромъ областной музыки, прибывшей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

День уже клонился къ вечеру, когда на верхней батарее извился клубомъ дымъ перваго выстрѣла. Царскому поѣзду еще нужно было проѣхать семь верстъ до Гуниба, и поэтому наши роты безъ суеты начали строиться на указанныхъ мѣстахъ, а я, съ рапортомъ о состояніи укрѣпленія, верхомъ спустился къ нижней слободѣ и сталъ у спуска, при въѣздѣ въ нее, съ невольнымъ въ душѣ волненіемъ. Тамъ уже толпились окрестные жители, стоявшіе по обѣ стороны извилистой дороги до самаго низу горы. Погода была тихая и пасмурная, придававшая еще болѣе торжественности всему окружавшему. Съ плато, на которомъ находилась слободка, не была видна часть дороги у моста черезъ Кара-Койсу и поэтому мы узнали о приближеніи царскаго поѣзда лишь по крику „ура“, который раздавался все ближе и ближе; наконецъ, на подъемѣ къ слободѣ, изъ-за огромныхъ скалистыхъ обломковъ, показались передовые всадники конно-иррегулярнаго дагестанскаго полка, а вслѣдъ за ними неслась тройка молоканскихъ лошадей, запряженныхъ въ легкій экипажъ, въ которомъ сидѣлъ императоръ Александръ II съ его высочествомъ главнокомандующимъ.

Подѣхавъ съ рапортомъ, я былъ представленъ государю его высочествомъ, добавившимъ въ полголоса, обратившись ко мнѣ: „прямо въ церковь“.

Въ самой слободѣ поселяне встрѣтили государя съ хлѣбомъ-солью, причемъ его величество, выйдя изъ экипажа, милостиво обращался къ нимъ съ вопросами объ ихъ житіи, а затѣмъ, сѣвъ на приготовленную верховую лошадь, началъ подниматься къ укрѣпленію. Дорога шла подъ тѣнью вѣковыхъ орѣховъ до поворота, съ котораго виденъ водопадъ Гунибской рѣчки, падающей съ верхняго обрыва въ глубокую кручу, разбиваясь при паденіи въ мелкія серебристыя брызги. Поднявшись къ нижнимъ воротамъ и обогнувъ южную кручу горы по длинному выступу съ барьеромъ, уложеннымъ изъ камней надъ самою пропастью, дорога приводитъ на площадь. Группы солдатъ и народа, стоявшія вдоль дороги, завидя государя, привѣтствовали царскій поѣздъ чисто русскимъ „ура“, подаваясь вслѣдъ за государемъ къ площади. Поднявшись на церковную площадь, гдѣ собрались всѣ гунибскія дамы и почетные граждане съ хлѣбомъ-солью, государь встрѣченъ былъ у входа въ церковь баталіоннымъ священникомъ о. Іоанномъ Лебединскимъ. Небольшая одноглавая гунибская церковь, со скромнымъ, но довольно изящнымъ украшеніемъ, обсаженная березками, рябиною и кленомъ и обставленная трофеями совершившагося покоренія—шамилевскими пушками, теперь ознаменовалась событіемъ, принесшимъ этому покоренію новыи блескъ.

Выйдя изъ церкви, государь съ минуту любовался общимъ видомъ укрѣпленія и окрестною мѣстностью. Затѣмъ, сѣвъ на лошадь, его величество со всею свитой поѣхалъ вдоль рядовъ выстроенныхъ на площади войскъ, которыя привѣтствовали его восторженнымъ „ура“. Возлѣ дома, приготовленнаго для государя на небольшой площадкѣ, лѣвымъ флангомъ къ подъѣзду, стоялъ почетный караулъ съ начальникомъ мѣстныхъ войскъ генераломъ Берхманомъ на правомъ флангѣ. Государь былъ встрѣченъ даргинскимъ маршемъ, смѣнявшимся, послѣ привѣтствія, народнымъ гимномъ и барабаннымъ боемъ, заглушеннымъ раскатами непрерывнаго „ура“! Государь шелъ медленно вдоль фронта рослыхъ солдатъ, выразивъ имъ одобреніе за ихъ молодецкій видъ, а затѣмъ, принявъ ординарцевъ на лѣвомъ флангѣ и пропустивъ роту „справа по отдѣленіямъ“, вошелъ въ приготовленную для него квартиру; причемъ, по приказанію главнокомандующаго, вмѣсто отпущенной роты оставленъ былъ караулъ изъ 40 рядовыхъ при офицерѣ.

Восторгу осчастливленныхъ гунибцевъ не было предѣла. Они тотчасъ принялись приводить все въ порядокъ: экипажи прибывшей свиты, загроздившіе площадь, быстро и безъ суеты были размѣщены по квартирамъ; всѣ проѣзды по укрѣпленію, запруженные

милиціей, были очищены и подметены, такъ что праздничный видъ повсюду возстановился.

Къ 6-ти часамъ вечера, прибывшіе гости начали собираться къ государственной квартирѣ, любуясь на площадѣ передъ домомъ видомъ окружающихъ горъ, на которыхъ уже начали зажигаться приготовленные костры, а на вершинѣ Кегера выдѣлился царскій вензель, составленный изъ разноцвѣтныхъ фонарей, разставленныхъ по склону горы. Но такъ какъ мѣстность не была ровная, то и литера вышла не совсѣмъ удачно. Все-таки представитель мѣстнаго управленія съ торжествующею улыбкою обратился къ тутъ же стоявшему баталіонному командиру съ вопросомъ: „что-же ваша иллюминація?“ Но на верхнемъ укрѣпленіи начали уже зажигаться площадки, образуя огненные линіи, надъ которыми засіяла громадная вензелевая буква съ короною; вскорѣ во всему укрѣпленію загорѣлась иллюминація. Гунибъ кишѣлъ народомъ, гулявшимъ при звукахъ музыки и пѣсенниковъ, и долго еще не умолкалъ шумъ народнаго веселья среди тихой прекрасной ночи.

Приглашенные къ царскому столу вошли въ домъ. За обѣдомъ, бесѣдуя съ высокопоставленными лицами, государь обращался съ вопросами и къ тѣмъ, которымъ случай предоставилъ первый разъ въ жизни эту честь. Въ концѣ обѣда его величество произнесъ тостъ за здоровье „славной кавказской арміи“ и ея главнокомандующаго, выразивъ при этомъ признательность его высочеству и начальнику области, князю Меликову.

Въ ожиданіи возвращенія князя Меликова, чтобы получить его приказанія на слѣдующій день, я сидѣлъ на крыльцѣ своего помѣщенія, переживая вновь только-что испытаннымъ впечатлѣніямъ. Время было уже позднее, кое-гдѣ догорали огни иллюминацій, празднество притихло, какъ вдругъ гдѣ-то высоко раздался какъ будто ружейный выстрѣлъ. Подбѣжавъ къ часовому, стоявшему возлѣ квартиры графа Перовскаго, я спросилъ: „гдѣ былъ выстрѣлъ?“ Часовой указалъ въ сторонѣ церкви. Поспѣшнѣ туда, въ скалистомъ возвышеніи позади церкви, гдѣ находились небольшія постройки крѣпостной артиллерійской команды, я узналъ, что офицеръ этой команды, старожилый гунибецъ, пустилъ ракету, чтобы татары, какъ онъ выразился, веселѣе поддерживали на Кегерѣ иллюминацію. Пришлось попросить его воздержаться отъ подобныхъ мѣръ, могущихъ причинить недоразумѣніе, тѣмъ болѣе что въ укрѣпленіи много было татаръ и разныхъ милицій.

По возвращеніи князя Меликова съ прочими лицами свиты, получено было приказаніе касательно предстоявшаго на слѣдующій

день смотра. Въ укрѣпленіи скоро все затихло, только мѣрные шаги часовыхъ раздавались на скалистомъ грунтѣ.

На другой день, съ ранняго утра, когда восходящее солнце не успѣло еще освѣтить вершинъ гунибскихъ скалъ, наши солдаты управились уже съ уборкою укрѣпленія и начали готовиться къ смотру.

На площади тѣмъ временемъ начали показываться свитскіе чины въ мундирахъ при походной формѣ, изъ числа коихъ нѣкоторые направились къ государственной квартирѣ, гдѣ собиралась и депутація отъ горскаго народа.

Къ назначенному для смотра времени, т. е. къ 11-ти часамъ утра, баталіонъ съ областною музыкою выстроился на площади развернутымъ фронтомъ. Государь, послѣ приѣма горской депутаціи верхомъ спустился на площадь въ сопровожденіи ихъ высочествъ и лицъ свиты и, принявъ рапортъ отъ представлявшаго баталіонъ, проѣхалъ вдоль фронта шагомъ, приветствуемый народнымъ гимномъ и не смолкавшимъ „ура!“.

Выѣхавъ передъ баталіономъ, государь спросилъ: „Есть-ли холостые патроны?“ Однако-же, при всей предусмотрительности, это обстоятельство, нерѣдко практикуемое, было упущено изъ вида.

Выслушавъ крайне неумѣстное „нѣтъ“, государь произвелъ ученіе „по-ротко въ двѣ линіи“, оконченное атакою артиллерійскаго кургана, а затѣмъ церемоніальнымъ маршемъ „шагомъ и бѣгомъ“. Баталіонъ былъ осчастливленъ царскимъ „спасибо“ и выборомъ 9-ти нижнихъ чиновъ въ гвардію. Причемъ и офицеры имѣли счастье представляться его величеству, и каждый изъ нихъ былъ удостоенъ милостивымъ словомъ.

Проѣзжая съ площади, по пути на верхній Гунибъ, государь осмотрѣлъ баталіонный лазаретъ и казарму стрѣлковой роты. Устройство этой казармы государю понравилось, и на вопросъ, обращенный ко мнѣ: „всѣ-ли такія?“, я отвѣтилъ, что эта самая лучшая. Прочія казармы по строительному искусству, быть можетъ, и считались лучшими, но стрѣлковая, построенная баталіоннымъ командиромъ, моимъ предшественникомъ, была несравненно удобнѣе, и я не могъ выразиться иначе; однако, мой отвѣтъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не понравился заинтересованнымъ лицамъ. При осмотрѣ лазарета, помимо ласковаго обращенія къ каждому изъ больныхъ, государь удостоилъ и присутствовавшихъ должностныхъ офицеровъ вопросами объ ихъ прежней службѣ. Причемъ, на отвѣтъ заведующаго хозяйствомъ капитана Винникова, что онъ прежде служилъ въ Кабардинскомъ полку, государь указалъ на флигель-адъютанта князя Долгорукова, сказавъ:

— „Вотъ твой бывшій однополчанинъ, признаешь-ли ты его?“

„Признаю, ваше императорское величество!“, одушевленно отвѣчалъ капитанъ Винниковъ, къ которому не замедлилъ любезно подойти признаваемый блестящій свитскій офицеръ. Государь со всѣми былъ ласковъ, и всѣ, имѣвшіе счастье удостоиться его слова, чувствовали себя въ невыразимомъ восторгѣ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ гору государь любовался съ высоты окрестною мѣстностью, представляющею, по выраженію самого государя, „грандіозную картину“. Подъѣхавъ къ верхнимъ воротамъ крѣпости, государь принялъ рапортъ и, получивъ на сдѣланный имъ вопросъ, имѣютъ-ли эти ворота названія, отрицательный отвѣтъ, государь приказалъ верхнія ворота именовать „Шамилевскими“, а нижнія — „князя Барятинскаго“.

Проѣзжая далѣе, мимо березовыхъ рощъ, къ шамилевскому аулу, государь разспрашивалъ меня о подробностяхъ штурма, о чемъ я имѣлъ счастье докладывать, какъ бывшій очевидецъ. Въ аулѣ государь взглянулъ на шамилевскую саклю, построенную по образцу нашихъ слободскихъ домиковъ, съ деревяннымъ поломъ и стекольными окнами, и на возвратномъ пути остановился въ березовой рощѣ, гдѣ въ разбитыхъ палаткахъ приготовленъ былъ завтракъ. Роща эта отличается отъ прочихъ небольшихъ рощицъ старыми большими деревьями, покрывающими густою тѣнью внутренней склонъ западнаго гунибскаго гребня, который красиво возвышается террасами надъ дорогою. На нижней террасѣ этого склона, подъ тѣнистыми березами, находится большой камень, на которомъ сидѣлъ князь Барятинскій, во время принесенія Шамилемъ покорности. Туда-то, по окончаніи завтрака, государь спустился съ верхней террасы съ бокаломъ въ рукѣ и, въ присутствіи сопровождавшихъ его лицъ, произнесъ тостъ въ честь князя Барятинскаго. По всей рощѣ раздалось одушевленное „ура“, повторенное тысячными голосами горцовъ, собравшихся вокругъ рощи. Затѣмъ государь, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ нашей стрѣлковой ротѣ, которая для смотровой стрѣльбы стояла по пути къ укрѣпленію. Мишени были поставлены 3-го номера и самая стрѣльба производилась съ двухъ различныхъ неопредѣленныхъ разстояній. Причемъ, хотя солдаты всѣми силами усердствовали въ этомъ случаѣ, но, имѣя старыя, заготовленія 1854-го года, семилинейныя ружья, проценты дали посредственные. Государь, однако-же, обратилъ вниманіе на хорошее направленіе выстрѣловъ, и, по окончаніи стрѣльбы, присутствуя лично при повѣркѣ пулъ, милостиво выразилъ одобрителный отзывъ стрѣлкамъ.

День уже клонился къ вечеру, когда государь, въ сопровожденіи прочихъ лицъ свиты, спустился на среднее плато Гуниба.

Къ обѣденному царскому столу были приглашены и нѣкоторые чины изъ народнаго управленія, которые тоже не были обойдены царскимъ словомъ, и вечеръ прошелъ попрежнему при звукахъ музыки и блескѣ иллюминаціи, на этотъ разъ блѣднѣвшей передъ міриадами звѣздъ, ярко блиставшихъ на безоблачномъ небѣ.

Около 12-ти часовъ ночи, государь вышелъ изъ своихъ покоевъ и прохаживался нѣкоторое время по площадкѣ, гдѣ стоялъ караулъ. Праздничный шумъ уже утихъ, только кое-гдѣ въ укрѣпленіи догорали плошки, въ глубокомъ обрывистомъ ущельи слышался вѣчный ропотъ Кара-Койсу, да издали доносилось побрякиваніе колокольчиковъ удалявшихся очередныхъ курьеровъ.

Къ утру, къ отъѣзду государя, который долженъ былъ прослѣдовать черезъ верхній Гунибъ и Карадахскую тѣснину, приготовлены были легкіе экипажи, а дорожные, изъ коней нѣкоторые везлись восмериками, направлялись въ Карадахъ кругомъ, по Салтинскому ущелью, черезъ красный желѣзный мостъ и Карадахскій переваль.

Рано утромъ, 13-го сентября, началось дѣятельное движеніе чиновъ свиты и ихъ ливрейной прислуги, суетившейся около дорожныхъ экипажей. И вскорѣ тяжелые экипажи, одинъ вслѣдъ за другимъ, начали спускаться въ ущелье Кара-Койсу.

Ровно въ 8 часовъ утра, государь вышелъ на площадку, гдѣ, удостовѣвшись находившихся тамъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ прощальнымъ привѣтствіемъ, сѣлъ въ коляску съ главнокомандующимъ и сѣрый шестерикъ государева экипажа быстро помчался на верхній Гунибъ. Проѣхавъ верхнія ворота, на которыхъ уже красовалась сдѣланная въ теченіе ночи надпись, золоченными буквами, „Шамилевскія ворота“, государева коляска, а за нею и экипажи царской свиты быстро покатили по дорогѣ, мимо березовыхъ рощъ, къ тоннелю, гдѣ экипажи замѣнены были верховыми лошадьми и царскій поѣздъ медленно продолжалъ путь по крутому сѣверному спуску въ Карадахскую тѣснину и въ Карадахъ, откуда дальнѣйшее слѣдованіе предстояло въ дорожныхъ экипажахъ.

Съ отъѣздомъ государя, штандартъ, развѣвавшійся надъ гунибскимъ укрѣпленіемъ, спустился, и укрѣпленіе, послѣ своего торжества, снова затихло и приняло видъ глухаго уединенія, обычнаго среди этой дикой и величественной природы.

По всему Дагестану государя сопровождали, главнымъ образомъ, всадники конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, составлявшагося изъ горцевъ-охотниковъ. Полкъ этотъ всегда отличался въ прежнихъ военныхъ дѣлахъ и теперь представился нарядно въ бѣлыхъ черкескахъ съ синими бешметами. Войска-же, находившіяся въ горахъ, оставались на своихъ мѣстахъ,—такъ были надежны жители, встрѣчавшіе высочайшій проѣздъ по всей дорогѣ. Въ настоящее время, они хотя, попрежнему, вооружены, но какъ будто желая вознаградить время, потерянное ими въ непрерывной войнѣ, всецѣло занялись разными ремеслами и хозяйствомъ, получая изъ своей ѡмечистой, но плодородной земли хорошіе хлѣба и садовые фрукты. Самое орошеніе садовъ удивило-бы любого садовода искусно придуманными водопроводами, мѣстами проходящими по деревяннымъ желобкамъ.

Въ этомъ краѣ уже много сдѣлано, но много предстонтъ еще усилій и времени, чтобы эта страна вполне стала цивилизованною.

Вичеславъ Солтанъ,
отставной ген.-маіоръ.

Тифлисъ.

